

III.

КРАНИОЛОГИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ.

(Сообщено А. П. Богдановымъ).

Краниологическое собрание Общества Любителей Естествознания начало организоваться съ 1865 года. Первымъ вкладомъ были два черепа изъ кургановъ Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, принесенные въ даръ Обществу А. А. Гатцукомъ и возбудившіе значительный интересъ своимъ рѣзко выраженнымъ долихоцефалическимъ типомъ, противорѣчившимъ рѣзко тѣмъ общепринятымъ мнѣніямъ, кои существовали до того относительно доисторическаго населенія центральной Россіи. Въ 1866 г. и 1868 году были затѣмъ произведены мною, и по моей просьбѣ нѣкоторыми изъ моихъ со товарищей, значительныя раскопки, результатъ коихъ былъ представленъ на Этнографическую выставку 1867 года, какъ въ видѣ коллекціи костяковъ и курганныхъ предметовъ, такъ и въ формѣ особаго сочиненія, посвященнаго краниологіи Московскаго курганнаго народонаселенія. Затѣмъ до 1876 года коллекція по недостатку средствъ обогащалась только случайно, хотя и увеличилась нѣсколькими замѣчательными сериями череповъ, каковы, напримѣръ, изъ Новгородскихъ жалниковъ отъ Г. Волкенштейна, изъ Новгородскихъ могилъ отъ А. М. Раевской, калмыцкіе отъ профессоровъ Лесгафта и Вальтера, и изъ Коломенскихъ кургановъ отъ А. М. Анастасьева. Только въ 1876 году, когда снова поднятъ былъ вопросъ объ Антропологической выставкѣ и явились средства, возможно было снова приступить къ систематическому пополненію коллекціи: въ три лѣта добыто было значительное число череповъ, могущихъ имѣть серьезный интересъ по своему научному значенію, какъ неизслѣдованный еще до настоящаго времени матеріалъ.

Краниологическое собрание, составляющее одинъ изъ самыхъ богатыхъ отдѣловъ выставки, представляетъ существенный интересъ только для специалистовъ, такъ какъ оно можетъ дать имъ новыя данныя для ихъ изслѣдованій. Впрочемъ найдется въ собраніи нѣсколько череповъ, кои не безынтересны вообще для посѣтителей выставки, какъ не безынтересно для нихъ можетъ быть общее знакомство съ составомъ собранія и съ цѣлями, кои леги въ его основу. Современная краниологія возбуждаетъ значительный интересъ, какъ тѣми надеждами, которыя возлагаются на нее приверженцами ея, такъ и тѣми нападками на нее, коимъ она подвергается отъ своихъ противниковъ, доходящихъ почти до полнаго отрицанія всякаго научнаго значенія ея. Причины такихъ противоположныхъ взглядовъ лежатъ какъ въ самой сущности матеріала, служащаго основой для краниологіи, такъ и въ тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, при которыхъ она развивалась и развивается. Впрочемъ отрицательнымъ возрѣніемъ краниологія подвергается ни больше, ни меньше, какъ и всѣ вновь формирующіяся науки, имѣющія передъ собою крайне широкія задачи и располагающія крайне скуднымъ матеріаломъ. Въ

свое время и археологія, и лингвистика, и даже вся зоологическая морфологія, переживали такой же тяжелый для нихъ періодъ. Кто не читалъ различныхъ курьезныхъ примѣровъ относительно филологическихъ сравненій и производства словъ, кто въ былое время не подтрунивалъ надъ объясненіемъ древнихъ надписей и надъ ошибками археологовъ? Цѣлыя повѣсти и романы посвящались осмѣянію страсти археологовъ, но всякій знаетъ, что всѣ эти глумленія не имѣли никакого вреднаго вліянія на самую науку и не подорвали ея значенія: напротивъ, съ каждымъ годомъ усовершенствуя свой методъ, обогащаясь новымъ матеріаломъ, она къ счастью становится все крѣпче и крѣпче и начинаетъ занимать подобающее ей по своему значенію выдающееся мѣсто. Тоже несомнѣнно будетъ и съ краниологіею, хотя бы потому, что безъ нея немислимо дальнѣйшее рѣшеніе многихъ вопросовъ.

Исторія оставила намъ указанія на многія племена, имѣвшія въ свое время значительное вліяніе на составъ и развитіе различныхъ національностей Европы. Въ Россіи мы всѣ говоримъ о Полянахъ, о Древлянахъ, Скифахъ, Половцахъ и другихъ, но кромѣ именъ до послѣдняго времени мы мало что знали объ этихъ обитателяхъ, такъ какъ лѣтописи оставили намъ только незначительныя извѣстія о внѣшней дѣятельности этихъ племенъ и почти ничего о ихъ происхожденіи, о ихъ кровной связи съ другими племенами. Если письменныя памятники даютъ такъ мало для исторіи первоначальнаго періода народонаселенія Россіи и Западной Европы и если познаніе этихъ народовъ одно только въ состояніи объяснить намъ вполнѣ научно дальнѣйшія судьбы этихъ народонаселеній, зависѣвшія отъ ихъ физическихъ свойствъ и обстановки, то очевидно неизбѣжнымъ является изученіе, подробное и точное, всего того, что отъ нихъ осталось. Это оставшееся выражается въ могилахъ, въ погребенныхъ въ нихъ костякахъ, въ находимыхъ въ нихъ предметахъ. Пока исторію понимали только какъ лѣтопись внѣшнихъ событій и пока интересовались только народами, занявшими видное и вліяющее мѣсто въ политическомъ развитіи государствъ, до тѣхъ поръ отсутствіе свѣдѣній о темныхъ обитателяхъ древнѣйшаго періода мало беспокоило ученыхъ и нисколько не интересовало публику. До настоящаго столѣтія не только народы исчезнувшіе и оставившіе мало слѣдовъ въ исторіи мало кого интересовали, но даже первобытные народы, нынѣ живущіе, занимали далеко не видное мѣсто въ ряду человѣческихъ знаній. Дикаяри интересовались или какъ курьезомъ въ человѣческомъ родѣ, или какъ матеріаломъ для эксплуатаціи. Путешественниками собрано было много данныхъ о ихъ бытѣ, нравахъ и обычаяхъ, но все это составляло сырой матеріалъ, не подвергнутый строгой научной критикѣ, не подведенный подъ научную систему. Поэтому такъ долго и не нарождалось

той науки, которая носит теперь название Антропологии; поэтому также долгое время и археология не могла занять принадлежащее ей место. Эти два краеугольные камня нынешнего исторического знания, именно Антропология и Археология, могли народиться в своей вполне научной форме и получить надлежащее значение только в наше время; именно в период естественно-исторического или генетического метода в объяснении явлений, не только в мире физическом, но и в кругу исторических явлений.

Когда было известно, что геологические явления земной коры представляют ряд последовательно развивавшихся и взаимно обуславливавшихся явлений и в своих толщах имеют историю, не уступающую в достоверности письменным памятникам; когда освоились с тою мыслью; что организм всякого существа становится понятным только тогда, когда известна его история развития и известны те превращения, коим он подвергается; когда выяснилось значение и влияние племенных особенностей и физических факторов на быт и развитие народов, тогда историю человечества нельзя уже было начинать с периода культурных народов, а нужно было идти дальше, так как только в этом первоначальном прошлом можно было найти корень и начало для объяснения последующего. Явилась наука о доисторическом человеке, скоро получившая особенно важное значение в кругу знаний современного человека. Но доисторический человек находился в условиях аналогичных с ныне живущими первобытными племенами, в которых только и можно было найти объяснение многому тому, что представляли нам доисторические народы. Отсюда учение о доисторическом человеке тесно связалось с учением о первобытных племенах и вызвало развитие науки антропологии, древней по своему названию, но совершенно современной нам по своему методу, по своим целям и по своему значению.

История, дошедши до убеждения в необходимости ознакомиться с доисторическими народами и изучить их с точки зрения первоначальных факторов, из коих сложилась последующая историческая жизнь народов, не сразу обратилась к выяснению значения антропологических данных, а постепенно, по мере крайней нужды и даже часто помимо своей воли. Сначала лингвистические наведения и сравнение бытовых предметов казались достаточными для разъяснения тех связей, кои существовали между доисторическими народами. Явился прежде период лингвистического и археолого-этнографического изучения доисторических племен, который долгое время и исключительно господствовал в классификации человеческих племен. Это было и понятно: в слов и в своих бытовых проявлениях выражается всего больше человек, как существо стоящее безгранично выше животного мира. Животным руководит только организация, у человека влияют высшие начала. Слово и быт бесспорно важны, но этого не достаточно еще для специального познания доисторического человека по многим и существенным причинам. Во-первых, известно, что существовали и в Западной Европе, и в России, племена, которые не оставили по себе никаких следов ни в языке, ни в каких либо достаточно определенных бытовых предметах, за исключением изданий из камня и из рогов и костей животных. У таких племен самым характеристичным является только череп и костяк. Что же отбросить ли эти племена, составляющие наиболее первоначальное из того, что мы знаем о человеке, или же постараться извлечь из познания костяка все то, что он может дать? Конечно нужно было прибегнуть к последнему, и вот причина почему, как бы не отвергли значение краниологии, она является не только одним из способов исследования доисторического человека, но даже единственным источником для познания самих первичных племен.

Во вторых; по отношению больше новейших племен встречаются случаи, когда при имении лингвистических и археологических данных, краниологические свидетельства бывают важны. История показывает, что иногда поработанный народ принимает и язык, и нравы другого. В таких случаях могилы доисторических, или не имеющих письменной истории, племен, а также оставленные ими в наследство местные названия могут повести к ложным выводам относительно племенных связей. Всего более устойчивыми являются в таких случаях племенные физические черты, выражающиеся в форме черепа, роста, чертах лица, и к такой проверке необходимо всегда прибегать даже там, где уже существуют некоторые удовлетворительные данные об исчезнувших народах. Наконец относительно ныне существующих народов, всем известным и богатым историей, приходится все таки прибегать к краниологии независимо от других антропологических методов исследования. Что такое Французы, Немцы, Русские? Из каких элементов они сложились и везд ли на своей территории они образовались из одних и тех же элементов? Много написано было прежде об этом исследовании, но все таки вопрос подвинулся существенно только тогда, когда прибегли к антропологическому методу исследования.

Таким образом значение доисторических и племенных рас представляется существенным не для одной только антропологии, но для цикла исторических наук, в известных отделах их. Этигажерки на выставках с бранными остатками человека составляют ключ к пониманию и разъяснению многих вопросов, могущих интересовать каждого. Это не профанация остатков человека, а только возведение их в исторические документы, в значение важнейших памятников истории человечества. Добродушное, хотя и невежественное, отношение к доисторическим остаткам человека было причиной того, что много погибло материала, невозвратимого для историка и антрополога. Выставки, возбуждая ряд вопросов по отношению черепов и уясняя их значение, если не в общем, то в частностях, служат делу науки и дальнейшему развитию человека, хотя бы в том отношении, что приучают смотреть каждого с верной точки зрения на представляющиеся ему доисторические остатки человека.

Антропологическая выставка, как задуманная в Москве и для Москвы, должна была обратить свое исключительное внимание на тот материал, который особенно интересен для нас русских. Может быть с первого раза серии черепов негров, Американских племен, Австралийцев и других, казались бы интереснее серий, полученных из наших курганов и от наших инородцев, но за то они были бы менее полезны, не говоря уже о том, что всеобщие коллекции собираются десятилетиями и более значительными средствами, чем те, кои имелись у Комитета. При первом знакомстве с какою либо группой фактов обыкновенно бросаются на что либо особо выдающееся, резко отличающееся: так точно и Антропологи с первого раза особенно сильно заботились о получении черепов дальних и своеобразных племен. Африка, Америка, Австралия интересовали их больше, чем окружающая их местность. Но удовлетворив первый прилив любопытства и описав наиболее курьезное, они пришли к убеждению, что для более серьезных успехов нужно развивать науку не столько в ширь, сколько в глубину, не столько заботиться о случайном отдаленном, сколько о систематическом изучении ближайшего. И здесь тоже не в космополитизм оказался верный успех дальнейшего развития, а в разработке местных условий и средств: с этою целью международные антропологические конгрессы и переселялись из страны в страну для того, чтобы в каждой возбудить местные исследования в возможно большем мас-

штабѣ. Поэтому если наша выставка желала принести особенную пользу дальнѣйшему развитію науки Антропологии, то она должна была поставить себѣ главнѣйшею цѣлю разработку того матеріала, который даетъ Россія, тѣмъ болѣе, что одна Россія можетъ доставить матеріалъ, имѣющій общенаучный интересъ, для цѣлага ряда выставокъ и цѣлой серіи музеевъ.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, Комитетъ выставки и занятъ былъ исключительно полученіемъ всего того, что касалось Россіи, заимствуя вѣдъ предѣловъ ея только самое необходимое для полноты систематическаго плана выставки. Матеріалы по отношенію Россіи собирались съ учеными цѣлями и особенно заботились о ихъ новизнѣ и полнотѣ; данныя относительно не русскихъ антропологическихъ вопросовъ привлекались на выставку только для популяризаціонной и учебной цѣлей. Въ Россіи снаряжались особыя экспедиціи, тратились значительныя средства на рѣшеніе частныхъ вопросовъ, за границу же коллектировалось въ копіяхъ и снимкахъ преимущественно то, что касается наиболѣе существенныхъ вопросовъ общей антропологии.

Антропология изслѣдуетъ, какъ извѣстно, доисторическія племена и классификацію современныхъ племенъ. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія и производилось коллектированіе череповъ и костяковъ Обществомъ Любителей Естествознанія. Вся краниологическая коллекція естественно поэтому можетъ быть подраздѣлена на доисторическую и современную, племенную. Что касается доисторической коллекціи череповъ и предметовъ, то она главнымъ образомъ представляетъ матеріалъ изъ нашихъ кургановъ и относится ко времени IX—XII вѣку по Р. Х., за весьма малыми исключеніями. Такъ нѣкоторые Крымскіе черепа могутъ быть отнесены къ болѣе раннему времени, какъ напримѣръ такъ называемые Макрокефалы, а другіе, каковы изъ кургановъ Приуральскихъ, къ болѣе позднѣйшему; тѣмъ не менѣе большинство относится именно къ сказанному періоду, который, дѣйствительно, можно назвать доисторическимъ по отношенію Россіи въ томъ смыслѣ, что такія курганныя племена не оставили ничего послѣ себя въ исторіи, кромѣ вещественныхъ доказательствъ своего существованія въ могилахъ и только нѣкоторыя свои имена въ лѣтописяхъ. Впрочемъ на выставкѣ, благодаря графу А. С. Уварову, находится черепъ, который можно отнести къ протоисторическимъ народамъ, населявшимъ Россію въ древнѣйшую эпоху каменнаго вѣка, можетъ быть къ современникамъ исчезнушаго мамонта и носорога. Такихъ протоисторическихъ племенъ теперь дознано нѣсколько въ Западной Европѣ и подъ этимъ именемъ слѣдуетъ подразумѣвать такія племена, кои жили въ столь отдаленную эпоху, что она вполнѣ по условіямъ своего быта была первобытною. О такихъ племенахъ исторія не подозрѣвала даже самаго ихъ существованія и ихъ указала ей только современная антропология.

Нахожденіе въ Россіи человѣка древнѣйшаго каменнаго періода является только результатомъ самыхъ послѣднихъ изысканій и его еще пока можно считать чистою случайностію, если оставить въ сторонѣ изслѣдованія, произведенныя по Западной границѣ Россіи въ пещерахъ Привислянскаго края. Находка эта даетъ основательную надежду, что и въ другихъ мѣстахъ найдутъ слѣды такого древняго населенія, но пока курганы составляютъ все такія главнѣйшія матеріалы для краниолога; желающаго выяснитъ себѣ народонаселенія доисторическія. Курганы являются и въ значительной численности и при весьма удовлетворительныхъ археологическихъ условіяхъ. По отношенію многихъ изъ нихъ возможно было хотя приблизительно опредѣлить названіе того племени, которому они принадлежали, и воспроизвести болѣе или менѣе законченную обстановку ихъ быта. Такія курганныя племена могутъ служить удобною точкою исхода для дальнѣйшихъ краниологическихъ изслѣдованій. Эти изслѣдованія главнымъ образомъ основываются на слѣдующемъ.

Уже прежніе изслѣдователи человѣческихъ племенъ, какъ напримѣръ Блюменбахъ и другіе, обратили вниманіе на то, что черепа различныхъ племенъ представляютъ нѣкоторыя постоянныя особенности, по коимъ возможно отличить племя даже по черепу; но только со времени Ретціуса возродилось то ученіе о классификаціонныхъ признакахъ племенъ человѣческихъ, которое извѣстно подъ именемъ краниологии. Зоологи, впрочемъ, еще прежде обратили вниманіе на то, что черепа различныхъ животныхъ представляютъ постоянныя различія въ извѣстныхъ черепныхъ углахъ, такъ какъ эти различія очень рѣзки и легко бросаются въ глаза. Предшественники Ретціуса по антропологии тоже обращали вниманіе на отличія въ черепныхъ признакахъ, но только на такія, кои настолько рѣзки, что сами собою бросаются въ глаза, и кои могутъ служить отличіемъ главнѣйшихъ группъ человѣческихъ племенъ. Ретціусу принадлежитъ та заслуга, что описаніе черепа онъ ввелъ не какъ исключеніе при описаніи особенно характерныхъ племенъ, отличающихся рѣзкими свойствами, но показалъ приложимость его къ различенію племенъ одной расы и къ анализу племеннаго происхожденія смѣшанныхъ народовъ. Ретціусъ первый ввелъ и числовое выраженіе для главнѣйшаго признака, на основаніи коего онъ строилъ свои классификаціонныя группы, именно головнаго указателя, по коему черепа дѣлятся на длинголовыхъ и короткоголовыхъ. Что головы бываютъ длинныя и короткія—это знали и прежде, но во первыхъ не придавали этому особеннаго значенія, а, во вторыхъ, не знали какъ это выразить точно на научномъ языкѣ, какъ это охарактеризовать постоянными правилами. Со времени Ретціуса указаны предѣлы этихъ подраздѣленій и дано ихъ выраженіе въ процентномъ отношеніи наибольшаго широкаго теменнаго діаметра головы къ наибольшему длинному лобно-затылочному, или наибольшему продольному. За Ретціусомъ Бэръ и Брока въ особенности много сдѣлали для выясненія того метода, съ помощію котораго измѣреніе череповъ могли стать удобосравнимаемы съ одной стороны и привести къ опредѣленію племенныхъ отличій съ другой. Кромѣ головнаго указателя установлено было нѣсколько другихъ (глазничный, зубной, челюстной, небный и т. д.). Изобрѣтена была цѣлая серія приборовъ и снарядовъ, позволявшихъ имѣть наиболѣе точныя измѣренія, наименѣе ошибочныя отъ случайныхъ причинъ. Въ самомъ дѣлѣ, если различныя соотношенія черепныхъ размѣровъ дѣйствительно характеристичны для различныхъ племенъ, то все таки эти различія могли быть выяснены только тогда, когда наблюденія стали производиться по одному методу и при одинаковыхъ условіяхъ, дѣлающихъ ихъ удобосравнимаемыми. Всякому понятно, что если одинъ наблюдатель, будетъ измѣрять ширину черепа у височной кости, а другой у теменной, то полученные результаты не могутъ быть сравнимаемы и общаго результата не получится отъ ихъ изслѣдованій. Нужно, слѣдовательно, было установить въ краниологии научный языкъ, подобный тому, который установленъ Линнеемъ для зоологіи; нужно было выработать единую научную терминологию, при которой каждый изслѣдователь подъ тѣмъ или другимъ указателемъ черепа понималъ бы одно и тоже. Нужно было найти тѣ исходныя точки для измѣреній, кои могли бы быть общепринятыми и считаться за постоянныя. Нужно было между множествомъ возможныхъ измѣреній на черепѣ, и еще большимъ количествомъ соотношеній ихъ, выбрать тѣ, кои существеннѣе и болѣе постоянны. Наконецъ, требовалось дознать у каждаго племени въ отдѣльности, какія именно изъ существенныхъ краниологическихъ признаковъ являются характеристичными, а это представляло значительныя затрудненія по многимъ причинамъ; изъ коихъ существѣннѣйшія слѣдующія. Во первыхъ у многихъ племенъ крайне затруднительно полученіе не только типическихъ племенныхъ череповъ, но и вообще какого либо черепа; во вторыхъ на земномъ шарѣ осталось мало племенъ, кои были бы совершенно